

УДК 316(438)

КРИЗИС ЛИБЕРАЛЬНОЙ ДЕМОКРАТИИ В XXI в.: СРАВНИТЕЛЬНАЯ ПЕРСПЕКТИВА

ЕЖИ ВЯТР^{1), 2)}

¹⁾Европейская высшая школа права и управления, ул. Гродзенска, 21/29, 03-750, г. Варшава, Польша

²⁾Варшавский университет, пр. Краковское предместье, 26/28, 00-927, г. Варшава, Польша

Представлено мнение автора о крахе либеральной демократии. Утверждается, что отчасти это является результатом утраты веры в стабильность и безопасность рыночной экономики, не без оснований считавшейся экономической основой либеральной демократии, что, в свою очередь, связано с мировым финансовым кризисом 2008 г. На этом фоне набирают силу популистские движения ярко выраженного националистического, а иногда и расистского характера. Растет разочарование граждан, особенно молодых поколений, что проявляется среди прочего во все более низких показателях участия в выборах. Происходит становление авторитарных режимов нового типа. Нынешняя волна «авторитарного популизма» выражает разочарование и мрачные настроения тех социальных классов, которые перестали чувствовать, что их социально-экономическое положение и культурная идентичность остаются в безопасности. Сущность нового авторитаризма заключается не в том, чтобы создать максимально централизованную систему управления, в которой вся власть была бы сосредоточена в одном правящем центре. Важной, хотя и не единственной причиной нынешнего кризиса демократии является растущая экономическая поляризация, отсутствие реформы политических институтов. Сделан вывод о том, что стоит подумать о возможности отзыва парламентариев по решению избирателей, если те пренебрегают своими обязанностями. Первоочередной задачей видится создание нового политического лидерства, более сильного и способного открывать новые перспективы. Такие лидеры появляются в условиях, когда политика становится борьбой великих идей.

Ключевые слова: либеральная демократия; рыночная экономика; финансовый кризис 2008 г.; новый авторитаризм; два кризиса либеральной демократии; политическое лидерство.

THE CRISIS OF LIBERAL DEMOCRACY IN THE XXI CENTURY – A COMPARATIVE PERSPECTIVE

JERZY VYATR^{a, b}

^aThe European Higher School of Law and Management, 21/29 Grodzieńska Street, Warsaw 03-750, Poland

^bUniversity of Warsaw, 26/28 Krakowskie Przedmieście Avenue, Warsaw 00-927, Poland

The article presents the author's opinion about the collapse of liberal democracy. Partly this crisis is the result of the losing of belief – under the influence of the 2008 global financial crisis – that a market economy reasonably considered as the economic basis of liberal democracy is not stable and safe as it was thought to be. Populist movements of a nationalist and even racist character are gaining strength in this context. There is a growing disappointment among citizens, and especially the younger generations, which is appeared, among other, in the lower rates of participation in elections. There is a becoming of the new-type authoritarian regimes. Present wave of «authoritarian populism» expresses disappointments and dark moods of the social classes that have ceased to feel that their socio-economic position and cultural identity remain safe. The essence of the new authoritarianism is not a creation of very centralized management system in which all power would be concentrated in one ruling center. Not the only one, but very important cause of the current crisis of democracy is the

Образец цитирования:

Вятер Ежи. Кризис либеральной демократии в XXI в.: сравнительная перспектива. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология*. 2019;2:79–84.

For citation:

Vyatr Jerzy. The crisis of liberal democracy in the XXI century – a comparative perspective. *Journal of the Belarusian State University. Sociology*. 2019;2:79–84. Russian.

Автор:

Ежи Вятер – доктор социологии; почетный ректор¹⁾, почетный профессор²⁾.

Author:

Jerzy Vyatr, doctor of sociology; honorary rector^a, honorary professor^b.
zhanna0607@mail.ru

growing economic polarization, the lack of reform of political institutions. Consideration should be given to the possibility of recalling parliamentarians, if they neglect their duties, by decision of the voters. The creation of a strong and able to open new perspectives political leadership is seen as a priority. Such leaders appear when politics becomes a struggle of great ideas.

Keywords: liberal democracy; comparative perspective; market economy; 2008 global financial crisis; new authoritarianism; two crises of liberal democracy; political leadership.

В нынешнее столетие мир входил с оптимизмом. «Конец истории», как назвал этот новый исторический период Френсис Фукуяма, должен был стать результатом окончательной победы либеральной демократии над своими врагами. Случаи обострения предсказуемых угроз связывали с вызовами, которые несет демократическому миру «столкновение цивилизаций». Их наиболее радикальным проявлением является возникновение враждебного западной цивилизации радикального исламизма [1]. Мировое господство Соединенных Штатов Америки – единственной в полном смысле этого слова сверхдержавы, оставшейся после окончания холодной войны, – должно было гарантировать сохранение и постепенное расширение зоны свободы в мире.

К концу второго десятилетия XXI в. этот бодрый оптимизм остался в прошлом. Мнение о том, что мы имеем дело с концом либеральной демократии, по крайней мере в ее известной до сих пор форме, не редкость. Обнадеживающий взгляд в будущее был вытеснен верой в то, что лучшие времена позади и следующие поколения будут жить в мире, худшем, чем мир их родителей.

Можно спорить о причинах подобных настроений. Отчасти это является результатом обусловленной мировым финансовым кризисом 2008 г. утраты веры в то, что рыночная экономика, не без оснований считавшаяся экономической основой либеральной демократии, стабильна и безопасна, как о ней (под влиянием неолиберальных экономистов, особенно чикагской школы) было принято думать. В определенной степени это связано с быстро

растущими экономическими диспропорциями, так что даже относительно богатый средний класс чувствует разочарование и скрытую угрозу. В некоторой мере это происходит из-за опасений по поводу крайне нестабильной ситуации в Азии и Африке и ее влияния на перспективы Европы, в том числе из-за картин ее затопления многомиллионной волной беженцев, что становится следствием не только гражданских войн и краха политического строя во многих странах Африки и Ближнего Востока, но и растущего демографического давления и углубления экономической поляризации в современном мире. И отчасти эти процессы связаны с утратой веры в то, что США могут обеспечить миру ответственное и эффективное лидерство, что в сочетании с усилением и ростом значимости недемократических региональных держав, особенно Китая и России, порождает страх новых военных катастроф.

На этом фоне возникают опасные социальные и политические явления. Набирают силу популистские движения ярко выраженного националистического, а иногда и расистского характера [2]. Слабнут традиционные политические партии, позициям которых угрожают появляющиеся в разных странах химеры политических движений без четкого идеологического профиля и чаще всего под руководством политических демагогов, неспособных обеспечить этим движениям длительное существование. Растет разочарование граждан, особенно молодых поколений, что проявляется среди прочего во все более низких показателях участия в выборах.

Авторитаризм нового типа

Самой серьезной угрозой для либеральной демократии является становление авторитарных режимов нового типа, называемых «неодемократия» [3], «нелиберальная демократия» [4], «делегетивная демократия» [5], «электоральная диктатура» [6]. Этот новый авторитаризм в некотором отношении напоминает авторитарные системы, известные из истории прошлого века, а в определенных моментах отличается от них. Авторитаризм, который бурно расцвел в межвоенной Европе, был прежде всего выражением решимости привилегированных классов защищать существующий *status quo*, вызовом для которого стала русская революция, изначально породившая большие надежды на построение другого, более справедливого мира.

Это был в значительной степени консервативный авторитаризм, ориентированный на укрепление существующих социально-экономических отношений. Нынешняя волна «авторитарного популизма» [7] намного больше, чем авторитаризм XX в., особенно европейский, выражает разочарование и мрачные настроения тех социальных классов, которые перестали чувствовать, что их социально-экономическое положение и культурная идентичность остаются в безопасности. Значит, это попытка противопоставить себя последствиям процессов глобализации – не только в экономической сфере, но и в сфере культуры.

Старый и новый авторитаризм отличаются своим отношением к насилию. Традиционный авто-

ритаризм вырос из насильственного переворота и поддерживался благодаря применению массового насилия. Это относится даже к сравнительно мягкой версии авторитаризма, которой был представлен польский режим после переворота в мае 1926 г. Некоторые авторитарные режимы того времени пользовались относительно высокой общественной поддержкой, но не решались проверить степень этой поддержки на свободных, конкурентных выборах. Исключением в этом отношении были парламентские выборы в Польше в 1928 г., проигранные правящим лагерем, что из-за внесенных ранее конституционных изменений не привело к смене правительства. Новый авторитаризм XXI в. сохраняет фасад демократических институтов, в том числе свободные, предполагающие реальное соперничество между правящим лагерем и оппозицией, выборы. Однако он обладает настолько сильной поддержкой, что может побеждать на новых выборах и, таким образом, укреплять свою политическую систему. На самом деле проигрыш на выборах означал бы для современного авторитарного режима катастрофу, поскольку повлек бы за собой не обычную смену правящей команды, а разложение всей политической структуры, построенной в предыдущие годы. Как я утверждал, хотя такая перспектива казалась очень далекой, в 2019 г. Польша имеет шанс реализовать такой сценарий [8].

Сущность нового авторитаризма заключается не в том, чтобы лишить граждан возможности решать, кто должен управлять страной, а в том, чтобы создать максимально централизованную систему управления, в которой вся власть была

бы сосредоточена в одном правящем центре. Этот центр чаще всего представлен руководством правящей партии или просто лидером и его ближайшим окружением. Централизация власти прежде всего означает:

1) полное подчинение центрального правительства и центральной государственной администрации воле правящего центра, что лишает их самостоятельной политической роли и делает техническим инструментом в руках людей, осуществляющих действительную власть;

2) маргинализацию парламента, в котором политические дебаты ограничены, а влияние оппозиции на законодательный процесс сводится к минимуму;

3) подчинение государственных средств массовой информации правящему политическому центру, ликвидацию их автономии и вытекающее из этого манипулирование СМИ (в то же время это предполагает активные действия для создания условий косвенной зависимости для негосударственных СМИ или для их маргинализации);

4) полную зависимость прокуратуры и всевозможные ограничения независимости судов от политического фактора;

5) широкое распространение политических критериев для кандидатов на замещение высших и средних должностей в государственной администрации, включая вооруженные силы и органы внутренних дел.

Чем полнее удастся достичь этих целей, тем более единой оказывается авторитарная система и тем глубже становится кризис либеральной демократии.

Два кризиса либеральной демократии

Современная волна нового авторитаризма показывает, что либеральная демократия вступила во второй крупный кризис. Стоит напомнить характер и последствия первого кризиса демократии – того, с которым Европа сталкивалась в межвоенный период.

Сто лет назад, сразу после окончания Первой мировой войны, могло показаться, что демократия стоит на пороге великого, необратимого триумфа. Поражение в войне досталось четырем супердержавам, две из которых (Россия и Турция) были абсолютистскими государствами, а две (Германия и Австро-Венгрия) находились под управлением сильной королевской власти с ограниченной, но не фиктивной ролью парламента. Среди побежденных не было ни одного демократического государства. Победу одержала коалиция демократических государств, ядром которой были Франция, Великобритания и США. В новых государствах, образованных в результате распада многонациональных

Российской и Австро-Венгерской империй, были созданы демократические правительства, обычно принимавшие конституционную модель Третьей французской республики. Попытки перенести коммунистическую революцию в Европу (особенно в Германии, Финляндии и Венгрии) потерпели крах. В Германии на смену авторитарной империи пришла демократическая республика. В течение очень короткого периода казалось, что началось длительное главенство либеральной демократии в Европе. В то время контраст между демократически управляемой Европой (в большинстве стран) и Латинской Америкой, где преобладали военные диктатуры или другие формы олигархического правления, был разительным.

Кризис европейской демократии проявился через несколько лет после войны. Главным образом он коснулся стран, в которых либеральная демократия имела короткую историю, в том числе государств, которые возникли в результате войны.

Ирландия после обретения независимости в 1921 г. (стала британским доминионом) пережила двухлетнюю гражданскую войну (1922–1923), а в последующие годы – авторитарное правление националистической партии Фианна Файл (Солдаты судьбы) во главе с премьер-министром Имоном де Валера, продолжавшееся вплоть до 1948 г. В Венгрии подавление недолгой коммунистической революции (1918–1919) привело к установлению диктаторского правления адмирала Миклоша Хорти, продолжавшегося до 1944 г.

Межвоенные годы были периодом быстрого сокращения зоны либеральной демократии в Европе. Этапами первого кризиса европейской демократии являлись следующие события:

- 1922 г. – «Поход на Рим» и установление власти фашистской партии в Италии;
- 1923 г. – свержение правительства А. Стамбулийского и установление авторитарной диктатуры в Болгарии;
- 1926 г. – военные перевороты в Польше, Португалии и Литве, установление авторитарных правительств в этих странах;
- 1927 г. – гражданский переворот в Эстонии;
- 1929 г. – военный (но поддержанный королем Александром Карагеоргиевичем) переворот в Королевстве сербов, хорватов и словенцев, принятие нового названия государства (Югославия) и создание централизованной авторитарной системы;
- 1933 г. – приход НСДАП к власти в Германии и установление тоталитарной диктатуры;
- 1934 г. – установление в Австрии диктатуры Э. Дольфуса (австрофашизм);
- 1934 г. – авторитарный переворот в Латвии;
- 1936 г. – установление (при поддержке короля Георга II) военной диктатуры в Греции;
- 1936–1939 гг. – гражданская война в Испании, закончившаяся установлением военно-партийной диктатуры;
- 1938 г. – установление диктаторской власти короля Карла II в Румынии.

В конце межвоенного периода либеральная демократия существовала только в 12 европейских странах (Бельгия, Чехословакия, Дания, Финляндия, Франция, Нидерланды, Ирландия, Люксембург, Норвегия, Швейцария, Швеция и Великобритания), а также в США и в британских доминионах (Канада, Австралия, Новая Зеландия). Казалось, что мир движется к господству тоталитарных или авторитарных режимов. Таким был климат эпохи. Убеждение в том, что либеральная демократия приходит в упадок, являлось всеобщим.

Вторая мировая война радикально изменила это положение. Поражение Германии, Италии, Японии и их союзников привело к разделению мира на два соперничающих блока, построенных вокруг сверхдержав-победителей – США и СССР. Страны

Центральной и Восточной Европы оказались под советским господством, что привело к созданию там коммунистических правительств. В Западной Европе демократические системы функционировали хорошо, за исключением единственного случая антидемократического переворота в Греции (1967) и установления там военной диктатуры в течение 1967–1974 гг. В 1974 г. рухнула португальская диктатура, а в 1975 г. начался процесс демократизации в Испании. К концу 1980-х гг. либеральная демократия восторжествовала в большинстве европейских стран, в Северной и Южной Америке, в некоторых частях Азии (в частности, в Индии, Японии, Израиле) и в некоторых африканских государствах. Судьбы демократии, согласно всеобщему мнению, зависели от результатов мирового соперничества между двумя блоками государств – демократических и коммунистических. Конфликт, который длился более 40 лет, вошел в историю под названием «холодная война» и метко был назван «борьбой за душу человечества» [9]. Последнее десятилетие XX в. принесло бескровную победу демократии в Европе и разложение систем, основанных на диктаторской власти коммунистических партий. В 1980-х гг. произошла демократизация практически всех латиноамериканских стран. Казалось, триумфу либеральной демократии уже ничто не сможет помешать.

Четверть века спустя это не кажется таким очевидным. Симптомы нового кризиса либеральной демократии множатся, а значит, утверждение Мартина Круля о том, что «это и есть конец мира либеральной демократии, имевшей в последние 70 лет феноменальные достижения на Западе, а в последние 30 лет – у нас» [10], перестало быть исключением. Я считаю это мнение преувеличенным, но не лишенным оснований. Второй кризис либеральной демократии остается фактом, но это не означает, что он должен привести к ее низложению на десятилетия.

Второй кризис либеральной демократии отличается от первого по трем позициям.

Во-первых, он выражается не в захвате власти антидемократическими силами, а в мирной, с использованием демократических механизмов, перестройке политической системы в авторитарном направлении.

Во-вторых, он охватывает те государства, в которых либеральная демократия установилась относительно недавно (в основном после окончания холодной войны), тогда как государства с более длительной историей демократического правления для него недостижимы. Последние сталкиваются с проблемой популистских и националистических движений, таких как «Национальный фронт» во Франции или движение «Альтернатива для Германии» в ФРГ, но ничто не указывает на способ-

ность этих сил прийти к власти. Даже там, где авторитарные политики занимают государственные посты (как, например, Дональд Трамп в США), демократическая система достаточно сильна, чтобы предотвратить установление авторитарного правления.

В-третьих, в Европе существует сообщество демократических государств – Европейский союз, способный в значительной степени сдерживать попытки установления авторитаризма в государствах-членах и отвращать от его установления те страны, которые претендуют на вступление в ЕС. Влияние этого объединения не всегда эффективно, о чем свидетельствует пример авторитарного венгерского режима, тем не менее оно приносит свои плоды, о чем свидетельствует сдерживающая роль ЕС в процессе разрушения правового государства в Польше после 2015 г.

Нынешний кризис либеральной демократии более всего затронул те государства, в которых демократические изменения появились только в конце холодной войны или после ее окончания. Надежды на создание системы либеральной демократии в России и в большинстве стран бывшего СССР не оправдались, а сложившаяся в России вместо нее система президентской «суверенной демократии» для многих стран, возникших в результате распада СССР, является привлекательным решением, альтернативным либеральной демократии.

Среди посткоммунистических стран, которые были приняты в начале этого столетия в ЕС, дальше всего в направлении установления и укрепления авторитарной системы зашли Венгрия и, хотя не настолько последовательно, Польша. Национализм и новый авторитаризм проступают в действиях влиятельных групп и политиков в Чехии, Болгарии, Румынии и Словакии, а также в стремящихся вступить в ЕС Албании, Косово и Сербии. Эта проблема, однако, не ограничивается бывшими коммунистическими государствами. Разочарование в своих правительствах во многих демократических странах приводит к формированию относительно сильных популистских движений, чаще всего правого и националистического толка [2; 3]. Избрание Дональда Трампа президентом США, а также возвращение к власти политиков из прежних военных диктатур в Чили и Бразилии указывают на то, что проблема не ограничивается Европой и носит глобальный характер.

Эти процессы заставляют нас со всей серьезностью относиться к нынешнему кризису либеральной демократии, что, однако, не равносильно принятию тезиса о конце демократии. Я разделяю мнение Адама Пржеворского, который, говоря о кризисах современной демократии, не заявляет о ее упадке, но констатирует необходимость глубоких реформ [11].

Упомянутые реформы не могут ограничиваться только политической сферой. Важной, хотя и не единственной причиной нынешнего кризиса демократии является растущая экономическая поляризация, приводящая к относительному (а иногда и абсолютному) обеднению среднего класса, традиционно считающегося главным оплотом либеральной демократии. Демографическое давление, экономическое неравенство и локальные вооруженные конфликты вызывают волну беженцев, напирających на богатые страны «глобального Севера», и это используется националистами для разжигания расистской истерии и нападков на либеральные правительства за то, что они не хотят или не могут противостоять волне беженцев. Эти проблемы не могут быть решены или, по крайней мере, смягчены без самых серьезных совместных усилий демократических государств. Международная солидарность и дальновидная политика системных реформ становятся условием *sine que non* выживания демократического строя.

Рука об руку с ними должны идти реформы политических институтов. Представительные институты власти, не без причин обвиняемые в том, что они слишком часто становятся ширмой для решений, принимаемых узкими кругами партийных лидеров, требуют переосмысления. Возможно, стоит подумать об отказе от свободного мандата в пользу возможности отзыва парламентариев по решению избирателей, если те пренебрегают своими обязанностями. Усиление роли референдума, которое отстаивают некоторые популистские группировки, не является средством устранения недостатков представительной демократии и может привести к катастрофическим последствиям (как это показал британский референдум по делу Брексита в 2016 г.), однако умело сочетаемое с функционированием представительных институтов, может улучшить законодательный процесс и повысить доверие граждан к последним.

Делом крайне сложным и в то же время основным для решения нынешних проблем является создание нового политического лидерства, более сильного и способного открывать новые перспективы. В последние десятилетия качество этого лидерства явно ухудшалось. Сегодня европейской демократии нужны великие лидеры масштаба Черчилля и де Голля, Аденауэра и Брандта. Польской политике необходимы лидеры, подобные тем, кто заложил основы возрожденной демократической республики. Такие лидеры появляются в условиях остродраматических вызовов, когда политика становится борьбой великих идей, а не заурядной возней вокруг групповых интересов и отдельных карьер. Возможно, великие проблемы нынешнего столетия родят новых лидеров именно такого масштаба.

References

1. Huntington SP. *Trzecia fala demokratyzacji*. Warszawa: PWN; 1996. 328 p.
2. Wiatr JJ, editor. *New Authoritarianism: Challenges to Democracy in the 21st Century*. Leverkusen: Verlag Barbara Budrich; 2019. 184 p.
3. Beyme K von. *From Post-Democracy to Neo-Democracy*. Cham: Springer International Publishing AG; 2018. 130 p.
4. Zakaria F. *The Future of Freedom: Illiberal Democracy at Home and Abroad*. New York: W. W. Norton; 2007. 301 p.
5. O'Donnell GA. *Delegative Democracy? East-West System Transformation*. Chicago: Chicago University Press; 1991.
6. Turan I. The Rise of Populist Electoral Authoritarianism in Turkey: a Case of Culturally Rooted Recidivism. *Studia Sociologiczno-Polityczne. Seria Nowa*. 2017;2(7):83–102.
7. Pierzchalski F. *Autorytarny popuлизм w XXI wieku. Krytyczna rekonstrukcja*. Pierzchalski F, Rydliński B, redaktory. Warszawa: Dom Wydawniczy ELIPSA; 2017. 217 p.
8. Wiatr JJ. New and Old Authoritarianism in a Comparative Perspective. *Studia Sociologiczno-Polityczne. Seria Nowa*. 2017;2(07):123–136. DOI: 10.26343/0585556x20707.
9. Leffler M. *For the Soul of Mankind. The United States, the Soviet Union, and the Cold War*. New York: Hill and Wang; 2008. 608 p.
10. Król M. Obyśmy znów nie byli głupi. *Polityka*. 2019 Styczeń 2–8.
11. Przeworski A. *Crises of Democracy*. New York: Cambridge University Press; 2019. 254 p.

Статья поступила в редколлегию 29.03.2019.
Received by editorial board 29.03.2019.

Перевод с польского языка Т. И. Врублевской-Токер¹.

¹Татьяна Ивановна Врублевская-Токер – кандидат философских наук, доцент; доцент кафедры философии культуры факультета философских и социальных наук Белорусского государственного университета.

Tatyana I. Vrublevskaya-Toker, PhD (philosophy), docent; associate professor at the department of philosophy of culture, faculty of philosophy and social sciences, Belarusian State University.

E-mail: tokerti@bsu.by